

ЭПОХА РИФМЫ*

*Профессор, доктор Ташансу Тюркер***

В начале 1990-х годов, после распада Советского Союза и окончания холодной войны, определенные политические и научные круги объявили о появлении нового мирового порядка, в котором США станут не имеющей себе равных супердержавой. В соответствии с тезисом «Конец истории», идентифицируемом с Фукуямой, этот новый миропорядок должен был положить конец всем идеологическим конфликтам.¹ Хобсбаум² и Бауман,³ которые позиционировали себя как противники тезиса Фукуямы и считали этот процесс кризисом современности и периодом нестабильности, описывали распад Советского Союза как «неуверенность, нестабильность, хаос и гражданская война», и считали, что этот распад влияет на «систему, которая делает устойчивыми международные отношения». Они заявляли, что разрушение системы раскрыло «неустойчивость внутренних политических систем, которые по сути базировались на этой устойчивости». Они критиковали новый миропорядок за представление мира без «коллективной утопии», который не имеет разумной альтернативы себе самому. Бек также описывал конец холодной войны как способ легитимизации того, что представляет собой политика. Он утверждал, что она утратила силу и «политика встает на скользкий путь самоуничтожения».⁴ В 1990-ые годы американская гегемония установилась не только в политике. Кризис 1970-х годов и «монетаристская

* Из выводов, представленных в книге автора под тем же названием, вышедшей на турецком языке: *Kafiyе Çağı*, Стамбул: Kronik u., 2023.

** Автор занимает профессорскую должность на факультете политологии в Университете Анкары, Турция.

tturker@politics.ankara.edu.tr

¹ Фрэнсис Фукуяма, «Конец истории», *The National Interest*, лето 1989 г., с. 18.

² Эрик Дж. Хобсбаум, *Kısa Yirminci Yüzyıl 1914–1991 Aşırıklar Çağı*, перевод Yavuz Alogan, Стамбул: Sarmal Yayınevi, 1996, с. 23.

³ Зигмунт Бауман, *Признаки постмодерна*, Лондон: Рутледж, 1999, с.ххv.

⁴ Ульрих Бек, *Siyasallığın İcadı*, перевод Nihat Ülner, Стамбул: İletişim Yayınları, 2013, с. 206–207.

контрреволюция» 1980-х годов обеспечили краткосрочную экономическую и социальную *belle époque* (прекрасная эпоха — фр.) американской гегемонии в 1990-ые годы⁵.

Хотя краткосрочная *belle époque* при американской гегемонии не являлась гарантией краха системы, в ней также заключалась опасность повторения серьезного кризиса или периодов спада. И Азиатский кризис 1997 года, и пережитые в 2000-ые годы кризисы снова это продемонстрировали. В то время как кризис 2000–2001 годов оказал разрушительное воздействие на периферийные страны, кризис 2008 года, являющийся продолжением этого процесса, разразился в центральных странах. Это показало, что все сильно страдают от глобальных рисков и необходимость искать глобальные решения. Как упоминал Бек, этот период следует рассматривать, как время общественного, политического и мирового порядка / беспорядка, когда превалируют риски.⁶ Риски оказывают многомерное воздействие на глобальном уровне на международную безопасность и финансы. Гидденс утверждает, что в отличие от прошлого, контроль над будущим является главной задачей современности, а поэтому концепция риска тоже становится центральной. Однако следует учитывать, что величина рисков изменилась в сравнении с прошлым.⁷ Нынешний период следует рассматривать как «период нестабильности», включающий много нового. Международная система в настоящее время находится в процессе, когда переплетены «поликризисы»⁸, а также социальные, политические и финансовые кризисы. Ее появление восходит к XIX веку. При том мировом порядке, который существовал после XIX века, когда все стало взаимосвязано и

⁵ Джованни Арриги и Беверли Дж. Силвер, *Хаос и управление в современной мировой системе*, Издательство Университета Миннесоты, 1999.

⁶ Ульрих Бек, *Общество риска. На пути к другому модерну*, перевод Марка Риттера, Лондон: Сейдж Пабליкейшн, 1992.

⁷ Энтони Гидденс, *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*, Нью-Йорк: Рутледж, 2002, с. 52.

⁸ Адам Туз, «Добро пожаловать в мир поликризиса», *Financial Times*, 28 октября 2022 г.

больше невозможно удержаться в рамках одной страны, важными стали проблемы управления глобальными рисками, разделения ответственности за риски, установления *статус-кво*, и ответы на вопросы, кто будет наделен полномочиями на международном уровне. Уязвимость личных и коллективных активов, которые могут пострадать от глобальных рисков, и неопределенность относительно будущего институтов / структур в случае неуверенности и нестабильности являются признаками того, что настоящий период является периодом «восстановления».

Марку Твену принадлежит знаменитая фраза: «История не повторяется, но рифмуется». Если сосредоточиться на эволюции концепции стабильности, то ее можно рассматривать через исторические сравнения и создание системы международной безопасности и мирового порядка. Хотя упомянутые рифмы подходят для объяснения этапов установления суверенитета и гегемонии при балансе сил разных стран, следует также рассмотреть уникальные различия в процессе, который идет в настоящее время.

Если говорить о «рифмуемых» периодах, то период, который мы переживаем сегодня, напоминает три недавних. В таком случае первая рифма — это *belle époque*, вторая — период между двух войн, а третья — *Долгий девятнадцатый век*, который следует оценивать, как сложно структурированный процесс после Французской революции.

Наиболее характерной чертой *belle époque*, которая вспоминается сегодня, — это то, что человечество считало *belle époque* периодом больших надежд. Во время *belle époque* история напоминала призрак. Можно сказать, что люди не оглядывались на прошлую историю, скорее все с надеждой смотрели в будущее. Даже хотя человечество в конце концов и стало жертвой того периода.

В тот период люди считали, что пришел конец истории, и думали, что лучше могут выразить себя через культуру и искусство. В некотором

смысле *belle époque* была периодом стабильности и мира; источником этой стабильности и ста лет мира были финансы, которые считались элементом модерации.⁹ Поланьи заявляет, что международный баланс сил поддерживался благодаря политической функции международной валютной системы с 1871 по 1914 годы, и утверждает, что организованность экономики проложила путь к обстановке мира и стабильности.¹⁰ В частности, в 1830 году начался перерыв между двумя революциями, и *belle époque*¹¹ при гегемонии Великобритании позволяла расширение рынков в глобальных масштабах, и инициировала период, который будет продолжаться до 1914 года. Во время этого процесса ориентированный на Великобританию мировой рынок поддерживал ее гегемонию против развивающихся мировых держав, таких как Германия.¹² В частности, между 1870 и 1913 годами, «Мировая система стабилизировалась благодаря гегемонии или по крайней мере центральному месту британской экономики и ее валюты, фунта стерлингов».¹³ Аналогично Лондону британская экономика стала истинным экономическим центром мира, а в основе ее лежал фунт стерлингов.¹⁴ Международная система с центром в Англии и основанная на классическом либерализме и золотом стандарте породила период все увеличивающегося процветания. Хотя Германия пыталась распространить немецкую марку на весь мир, она не смогла преодолеть гегемонию Великобритании в политической и военной областях, а в особенности в

⁹ Карл Поланьи, *Büyük Dönüşüm*, перевод Ауше Буğра, Стамбул: İletişim Yayınları, 2010, с. 37–50.

¹⁰ Поланьи, с. 57.

¹¹ Силвер и Арриги, «Двойное движение» Поланьи: сравнение британской Belle Époque и американской гегемонии» *Politics & Society*, 2003, 31(2), с. 325–355. <https://doi.org/10.1177/0032329203252274>

¹² Эдвард Халетт Карр, *Двадцатилетний кризис 1919–1939: Введение в изучение международных отношений*, Эдинбург: Р. & Р. Кларк, 1946, с. 55–56) утверждает, что Англия приняла политику свободной торговли в этот период, в то время как США и Германия выступили как соперники британской гегемонии путем введения протекционистской политики.

¹³ Эрик Дж. Хобсбаум, *Эпоха крайностей*, 1994, Лондон: Абакус, с. 271.

Эрик Дж. Хобсбаум, *Sanayi ve İmparatorluk*, перевод Abdullah Ersoy, Анкара: Dost Kitabevi, 2003а, с. 139. В частности, 1913 стал рекордным годом для британской торговли. (см. E.H. Carr, *ibid*, с. 108).

¹⁴ Эрик Дж. Хобсбаум, *Sanayi ve İmparatorluk*, перевод Abdullah Ersoy, Анкара: Dost Kitabevi, 2003а, с. 139.

финансовой. Каутский представил концепцию ультраимпериализма — в мирной обстановке появляются новые державы, и это совсем необязательно приведет к конфликту в мирный период при гегемонии Великобритании. Тем не менее, капиталистические державы будут править миром, образовав некий вид картеля.¹⁵ Однако предсказанного Каутским мира не случилось, и человечество было ввергнуто в Первую мировую войну в 1914 году. Таким образом *belle époque* осталась в людской памяти красивой иллюзией, по которой испытывают ностальгию.

Еще одна рифма, которую следует упомянуть, — это период между двух войн. Человеческая история заставляет заострить внимание на единой валютной системе в международной торговле, упорядоченной Западом, которая использовалась на протяжении почти восьмисот лет. Единственным исключением этой неразрывности стал период между 1918 и 1939 годами, когда шел сложный процесс, и в международной торговле превалировало несколько валют. Отказ от золотого стандарта, на котором основывалась система баланса сил и которым обеспечивалось функционирование системы, также привел к концу традиционной мировой экономики.¹⁶

Этот период следует оценивать, как период нестабильности в рамках Великой Депрессии 1929 года, подъема фашизма, политики «Нового курса», принятой под руководством Рузвельта в США, и подъема советской системы, как важного конкурента. В результате этой нестабильности по всему миру начался спад. Разрушения, вызванные войной, стагнация экономики, рост безработицы, неуверенность в политике были названы причинами этой стагнации. Даже в США, которые славятся самодостаточностью экономики, и в наименьшей степени пострадали от войны (даже хотя США вышли из войны как страна-

¹⁵ Карл Каутский, «Ультраимпериализм», *Die Neue Zeit*, 11 сентября 1914 г.

¹⁶ Полян, *Büyük Dönüşüm*, с. 36.

кредитор), не смогли остаться в стороне от этого процесса рецессии.¹⁷ Поланьи осмысливает этот процесс, при котором классический либерализм потерпел банкротство, и называет его «Великой трансформацией», а Э.Х. Карр называет период между войн «двадцатилетним кризисом», связываемым с банкротством классического либерализма, основанного на гармонии интересов.¹⁸ В период между двух войн начала приобретать большое значение протекционистская политика и новые устремления, как например, представление кейнсианской политики, к которым обращались, чтобы бороться с массовой безработицей и отсутствием спроса. Во время этого процесса быстрая индустриализация и развитие Советского Союза по «плану» сделали привлекательными новые экономические подходы.

«В период с 1929 по 1940 год промышленное производство в Советском Союзе выросло, по крайней мере, в три раза. Его доля в 1929 году составляла 5 процентов мирового промышленного производства, а к 1938 году выросла до 18 процентов. За этот же период общая доля США, Великобритании и Франции снизилась с 59 процентов до 52 процентов общего мирового показателя».¹⁹ Конкретно выражаясь, эти цифры показывают подъем Советского Союза в период спада. Во время этого периода в мировой экономике произошли серьезные изменения, США не смогли обеспечить какую-то альтернативу или рестабиллизацию системы, которая обеспечивала стабильность, создав некий вид *belle époque* при британской гегемонии, когда система платежей основывалась на фунте стерлингов.²⁰ Поэтому глубокий кризис в мировой экономике и отсутствие державы-гегемона в мире сделали невозможным возвращение *belle époque*. Поиск альтернативной рыночной экономики, в особенности приближение

¹⁷ Хобсбаум, *Kısa Yirminci Yüzyıl 1914–1991 Aşırıliklar Çağı*, с. 118–119.

¹⁸ Эдвард Халетт Карр, *Двадцатилетний кризис 1919–1939: Введение в изучение международных отношений*, Эдинбург: Р. & Р. Кларк, 1946.

¹⁹ Эрик Дж. Хобсбаум, р. 117.

²⁰ Силвер и Арриги, «Двойное движение» Поланьи: сравнение британской Belle Époque и американской гегемонии», 2003.

государства всеобщего благоденствия, идея которого была впервые предложена Кейнсом, а также «ядерная» политика в период холодной войны сохраняли равновесие и стабильность в экономической и международной системе власти. В частности, при создании Бреттон-Вудской системы была предпринята попытка покончить с финансовой нестабильностью путем создания механизмов для контроля послевоенного потока капиталов, а американский доллар стал единой валютой. В этом отношении холодная война создала условия для стабильности. После Второй мировой войны, когда «война создала государство, а государство стало вести войну», война, которая рассматривалась, как *нормальное явление* и мощный инструмент международной системы, произошли изменения: сменился *статус-кво* и стал поддерживаться невоенными средствами.²¹ Таким периодом перемен стала холодная война, и она создала период стабильности. Хотя это экономическая стабильность, она исходит из ядерной угрозы, которая позволяет стабилизироваться международной системе, хотя и через принуждение и сдерживание.

Последняя из трех рифм — это *Долгий девятнадцатый век*.²² Долгий девятнадцатый век следует рассматривать как долгосрочный кризис, учитывая влияние строительства национальных государств, а также процесса индустриализации и модернизации в последующие столетия. В отличие от того, как принято считать, это скорее период нестабильности, чем стабильности, который принес радикальные перемены в такой степени, что необходимо рассматривать этот период скорее как трансформацию, а не перемену, которая формируется экономически, политически и идеологически, в особенности «двойной революцией» 1789

²¹ Чарльз Тилли, «Война и строительство государства как организованная преступность», *Возвращение государства* (ред.) Питер Эванс, Дитрих Рюшмейер и Теда Скокпол, Издательство Кембриджского университета, 1985, с.169–191.

²² Илбер Ортайли, *İmparatorluğun En Uzun Yüzyılı*, Стамбул: Kronik Yayınları, 2018.

года и ее дополнением 1848 года.²³ Здесь не играет никакой роли то, что по мнению Хобсбаума, многие перемены все еще требуется довести до конца, и то, что несмотря на уникальный опыт в экономике, технической и социальной сферах все еще не достигнуто равновесие.²⁴ Нет окончательного ответа на вопрос о том, когда закончился XIX век, учитывая, что некоторые основополагающие ценности в социальной сфере, экономике и международной политике, как с интеллектуальной точки зрения, так и систематически, относятся к этому периоду. Кстати, в то время как некоторые ученые заявляют, что этот век закончился в 1900 году, а другие в 1945 году, есть и те, кто считает, что он продолжается до сих пор. Как упоминалось выше, становление скорее восходит ко всему XIX веку, а не вписывается в какие-то *краткосрочные временные рамки*. Это социальные, политические и экономические установки, описанные в XIX веке. Более того, следует учитывать, что эти проблемы являются результатом *долгосрочных тенденций*.

Бауман и Бордони дали определение проблем, которые имели место на социальном уровне в 1970-ые годы, недвусмысленно намекая, что американизм зависит от увеличения потребления. Они ссылались на «упадок Запада» из-за «краха цивилизации» и «быстрого сжимания мирового материального господства и духовной гегемонии Европы».²⁵ Бауман и Бордони говорили про «*синдром потребителя*» и утверждали, что современное общество потребления потребляет не только товары, но также и предоставляемые людьми услуги, а поэтому и человеческие отношения. Во-первых, главная причина этой проблемы на социальном уровне — это экономическая трансформация, которая может считаться проблемой постиндустриального общества. Растущие финансовые системы, начиная с 1970-х годов, усилили важность финансового капитала.

²³ Эрик Дж. Хобсбаум, *Devrim Çağı 1789–1848*, перевод Bahadır Sina Şener, Анкара: Dost Kitabevi, 2003b.

²⁴ Хобсбаум, с. 327.

²⁵ Зигмунт Бауман и Карло Бордони, *Состояние кризиса*. Полити Пресс, 2016, с. 149.

После Второй мировой войны уход государственного сектора из процессов принятия решений по поводу финансовой системы, основанной на рыночных принципах, в особенности несостоятельность кейнсианской политики, принятие Вашингтонского консенсуса, попадание национальных государств под контроль механизмов финансового капитала, привели к разрушению способности национальных государств к принятию решений в области экономики. Харви утверждал, что трансформация или кризис гибкого накопления в производстве, условиях труда и потреблении является результатом поиска финансовых решений. Если говорить о финансовом уровне, то можно определить, что в мире идет различная перестройка, а валютная инфляция ведет к кризису, как и говорил Кондратьев. Харви писал, что если мы ищем отличительную черту, то нам нужно обратить взор на финансовую сферу и кредитную систему. Также он заявлял, что, хотя эти два механизма обеспечивают краткосрочную стабильность, в некоторой степени это откладывает кризис, и этот процесс подобен тому, что описывал Кондратьев.²⁶

Во-вторых, изменения в общественной жизни — это еще одна проблема, в дополнение к экономике и финансам. Хобсбаум объясняет парадокс XXI века тем, что положение дел подобно вакууму, несмотря на мгновенный доступ к массе информации.²⁷ Этот парадокс приводит к сужению смыслового содержания информации и исчезновению ее ценности, создавая некий вид «эрозии познания».²⁸ Бауман называет этот процесс «*текучей современностью*». В то время как текучая современность облегчает создание сообществ с помощью новых информационных технологий, размывает различия между общественным и личным, лишает конфиденциальности, ослабляют связи между людьми,

²⁶ Харви, *Postmodernliğin Durumu*, с. 223.

²⁷ Эрик Хобсбаум, *Yeni Yüzyılın Eşiğinde*, перевод İbrahim Yıldız, Стамбул: Yordam Kitap, 2007, с. 186.

²⁸ Зигмунт Бауман, *Modernite, Kapitalizm, Sosyalizm*, перевод F. Doruk Ergun, Стамбул: Say Yayınları, 2014, с. 118–119; Йохан Хари, *Çalınan Dikkat: Neden Odaklanamıyoruz?* перевод Barış Engin Aksoy, Стамбул: Metis Yayınları, 2022, с. 49.

она также ведет к возникновению и ненадежных отношений вместо сообществ старого типа.²⁹ В процессе, когда «все разваливается на части, а центр не может ничего удержать»³⁰, по словам Баумана и Бордони, «общества, которые прекрасно знают чего они не хотят, но понятия не имеют о том что хотят, которые атомизированы, утратили свои политические черты и неорганизованны, могут создать серьезные проблемы для общественного порядка».³¹ Крах общественных отношений также ведет к падению «публичной сферы, которая является зоной переговоров», где ограничиваются частные интересы и происходят рациональные дискуссии.³² Поскольку крах публичной сферы является очень серьезной проблемой, на горизонте уже должна быть среда, необходимая для ее восстановления. Во время пандемии гибель «койнонии» и господство «идиона» также упоминались в пессимистических сценариях. Следовательно, эти дискурсы следует рассматривать в контексте краха публичной сферы.

В-третьих, политика — это еще одна проблема, которую необходимо подчеркнуть. Как часто подчеркивается в литературе, поиск политически стабильных политических субъектов во времена нестабильности становится проблемой. Видно, что появляются экстремистские политические движения и находят отклик в обществе, которое рассеяно и дезорганизовано. Как указывает Поланьи, такие периоды спада и нестабильности ведут к росту социальных реакций и различным социальным тенденциям.³³ Поэтому получающаяся в результате картина снова напоминает нам XIX век. Хотя считается, что эти проблемы являются проблемами западного мира, ясно, что присутствует

²⁹ Бауман, *Modernite, Kapitalizm, Sosyalizm*, с. 108–120.

³⁰ Маршалл Берман, *Katı Olan Her Şey Buharlaşıyor*, перевод Ümit Altuğ & Bülent Peker, Стамбул: İletişim Yayınları, 2013, с. 127.

³¹ Зигмунт Бауман и Карло Бордони, *Состояние кризиса*, 2016.

³² Юрген Хабермас, *Kamusalığın Yapısal Dönüşümü*, перевод Tanıl Bora & Mithat Sancar, Стамбул: İletişim Yayınları, 2021.

³³ Поланьи, *Büyük Dönüşüm*.

возможность и даже есть необходимость их распространения на незападный мир. Глобальная гегемония Запада экспортировала эти проблемы в регионы за своими границами и в плане *modus vivendi* (способ существования, образ жизни — лат.), и на политические организации. Поэтому, хотя у народов и общественных институтов имеются свои исходные точки, на исторических поворотных точках эти народы и общественные институты объединяются в борьбе за существование.³⁴

В дополнение к недавним рифмам можно сказать, что нынешний период является нестабильным и его можно считать процессом восстановления по трем главным направлениям: i. Трансформация западной системы в социальной, политической и экономической сферах; ii. Изменения в составе мировых акторов (различные региональные державы и национальные государства держат в приоритете свои интересы при глобальном разделении власти); iii. Глобальный вызов и подъем Китая.

Можно провести оценку существующей международной системы, в центре которой находятся США, и представить ее в понимании гегемонии Антонио Грамши.³⁵ Нравственное и интеллектуальное лидерство составляет важный оплот при установлении гегемонии. Как мы видели выше, гегемония не является бессрочно воспроизводимой в историческом процессе из-за кризиса гегемонии. Следует учесть тот момент, что кризис гегемонии не требует исчезновения доминирующей политической и социальной системы или установления альтернативного порядка гегемонии. Даже хотя в западной системе иногда начинался кризис гегемонии, ей удавалось воспроизводить свою гегемонию в экономической, политической и культурной сферах в рамках исторической преемственности. Хотя Советский Союз пытался стать державой контргегемоном в отношении западной гегемонии в период холодной войны, он

³⁴ Полянши, с. 67.

³⁵ Антонио Грамши, *Hapishane Defterleri, Seçmeler*, перевод Adnan Cemgil, Стамбул: Belge Yayınları, 1986, с. 28–32; 282–288; 319–324.

так никогда и не смог предложить альтернативу «долларовой системе» и продолжал существовать в ее рамках. Они существовали в рамках одной и той же системы благодаря соглашению между ними или принуждению и сдерживанию, в особенности из-за той силы, которую давала ядерная угроза. Состояние баланса и стабильности, которое она давала, ушло из-за кризиса гегемонии. В наше время национальные государства отличаются многообразием и отходят от традиционных идеологий, некоторые национальные государства хотят действовать более активно, чем раньше, в рамках возникшей мировой системы. Поэтому возникли тенденции к поиску нового политического равновесия. Эти тенденции, которые появились в результате брошенного западной системе вызова, в процессе чего определенные национальные государства, как субъекты, снова пытались расширить свои юрисдикции, а также восстановить разделение, проявляются как голлизм в Индонезии, Бразилии, на Ближнем Востоке, в ЮАР и т. д.

В дополнение к подходу Грамши, это изменение можно проанализировать через *«Aux bords du politique»* — «На краю политического», важную работу и построение концепции Рансьером. Рансьер утверждает, что политика может появиться в любое время вместе с разработкой концепции. По мнению Рансьера, политика ведется в рамках порядка полиса, который определяет «становление», в то время как реальная политика ведется в «демосе», который является политическим субъектом при появлении существующего политического порядка.³⁶ *Полис* — это поддержание порядка и «становление». Политика находится в рамках *полиса*, но она становится видимой с вопросом: «Какая роль отводится тем, у кого нет роли?». Политика появляется вместе с процессом политической субъективности тех, у кого нет роли. Она продолжает быть действенной для западной внутренней политической системы, с желанием

³⁶ Жак Рансьер, *Siyasahın Kıyısında*, перевод Aziz Ufuk Kılıç, Стамбул: İletişim Yayınları, 2016, с. 71–78.

и неуверенностью в радикальной трансформации централизма и структуры общества, и связана с тем фактом, что новые акторы на берегах Запада в международной политике начали сами делать политику.

В этом смысле можно провести оценку на основе «Незнакомца» Зиммеля. В некоторой степени концепция «незнакомца»³⁷, созданная на основе социальных типов, адаптируется к международному уровню, и те, кто остается на берегах Запада — это субъективность, которая скорее «существует сегодня и имеет потенциал существовать завтра», а не быть в некотором роде *“flâneur”* (фланер, кутила, гуляка — фр.).³⁸ Следует отметить один важный момент: государство далеко, а на берегу возможно существование других возможностей и допускается объективное наблюдение. Нужно учитывать то, чему мы научились у Макиавелли, который говорит во вступлении к трактату «Принц»: *«Как художнику, который рисует пейзаж, нужно спуститься в долину, чтобы охватить взглядом горы и холмы, и подняться на гору, чтобы обхватить взглядом долину, так и здесь: чтобы постигнуть сущность народа, надо быть правителем, и чтобы постигнуть природу правителей, надо принадлежать народу»*.³⁹ В соответствии с логикой «необходимости», «незнакомец» также может вести объективное наблюдение. Может подразумеваться, что субъективность позиционируется как «незнакомец» при западных системных переменах, а существование незнакомца остается постоянным. В этом контексте «незнакомец» может быть полезен Западу для перестройки себя политически, социально и экономически, поскольку существование Запада зависит от «незнакомца». В этом плане ясно, что западной системе жизненно необходимо восстановление путем

³⁷ Георг Зиммель, *Bireysellik ve Kültür*, перевод Tuncay Birkan, Стамбул: Metis Yayıncılık.

³⁸ См. Шарль Бодлер, *Modern Hayatın Ressamı*, перевод Ali Berktaş, Стамбул: İletişim Yayınları, 2009; Уолтер Бенджамин, *Pasajlar*, перевод Ahmet Cemal, Стамбул: Yarı Kredi Yayınları, 2012.

³⁹ Николо Макиавелли, *Принц*, перевод Джеймса Б. Аткинсона, Индианаполис / Кембридж: Хакетт Паблишинг Компани, Инк., 2008, с. 97.

расширения. Не следует путать подобное положение дел с такими экстремистскими дискурсами как «крах Запада».

Самым сложным аспектом нынешнего периода следует считать подъем Китая. Хотя Китай пока не предпринял никаких определенных шагов для установления сконцентрированной на юане международной торговли, недавнее заседание Атлантического Совета, организованное МВФ, носило название «Бреттон-Вудс 2-0». Китай громко задает вопрос, стоящий на повестке дня МВФ или Атлантического Совета. В последние месяцы было объявлено, что Китай заключил соглашения о балансе импорта и экспорта энергоресурсов со многими странами, например, Ганой и Саудовской Аравией, в их валютах. Торговля энергоресурсами между Россией и Индией достигла невиданного уровня. Поэтому следует понять, что сегодняшний главный вызов исходит от Китая. В последнее время часто обсуждались взаимоотношения Китая и Америки и их называли «новой холодной войной» или «двумя различными путями капитализма».⁴⁰ Растущая мощь Китая представляет угрозу гегемонии США и их экономическим отношениям с Африкой и Латинской Америкой. Также следует отметить культурную экспансию Китая (например, проект «Один пояс и один путь») вместе с конкуренцией внутри международных организаций, создание таких организаций как Азиатский инвестиционный банк и его влияние на права интеллектуальной собственности. Все это заставляет США предпринимать меры предосторожности против этой угрозы.

Три упомянутые выше структурные темы (i. Экономическая, финансовая, социальная и политическая трансформация Западной системы, ii. Отдание приоритета своим интересам в мировой системе определенными региональными державами и национальными

⁴⁰ Бранко Миланович, «США и Китай: два типа капитализма конкурируют друг с другом», *Promarket*, 25 сентября 2019 г. Прадумна Б. Рана и Сяньба Цзи, *От централизации до децентрализации глобальной экономической архитектуры: азиатская перспектива*, Палгрейв Макмиллан, 2022.

государствами, iii. Глобальный вызов Китая), рифмующиеся с тремя периодами (i. *belle époque*, ii. Период между двух войн и iii. *Долгий девятнадцатый век*), могут служить маяком для анализа нынешней ситуации в мире. Для оценки такого кризисного периода, когда все структуры между технологической технократией и бюрократическим бонапартизмом открыты для дискуссии и вызова, когда исследуется проблема идентичности, когда все старые и новые субъекты имеют проблемы с производительностью, когда проявляются стремления и становятся конкретными, подходят слова Антонио Грамши: «старое умирает, а новое не может родиться».⁴¹ Поэтому нужно принять эти слова за истину, которая подходит также и к этому периоду. М. Олбрайт однажды сказала, что она «оптимистка, которая много беспокоится».⁴² Вероятно, если говорить аналогично этой фразе, в наши дни не будет неправильным занять позицию «пессимиста, который редко надеется».

⁴¹ Антонио Грамши, *Les Cahier de Prison*, Cahier 3, Париж: Gallimard, 1983.

⁴² Мадлен Олбрайт, «Я оптимистка, которая много беспокоится», *Der Spiegel International*, 11 июля 2018 г. <https://www.spiegel.de/international/world/interview-with-madeleine-albright-a-1217661.html>